

Дом, который построил Федор Абрамов

Десять лет назад от нас ушел замечательный русский писатель

Комм. правда. — 1995. — 14 мая.

В прежние времена на Пинеге рядом с просторным, в два «жила», домом непременно ставили еще и приземистую избушку. Называют ее по-разному: зимняя изба, зимовейка... И вот слышу в деревне Кушкопале: «уросиха». Это про нее, про маленькую, в три окошка, пристройку.

По местному наречию, «уросить», — жить своим умом, не соглашаться со старшими, идти поперек течения. И вот, рубил молодой мужик дом, а задним умом помнил: вырастут у него дети, женятся, будут устраивать свою жизнь. И не всегда эта жизнь будет ему по нраву. И непременно начнутся поучения, обиды, а то и свары с битьем горшков. Только зачем? Вот она, избушка — много лет вдвоем со старухой надо: три оконца на реку, русская печь, лампада в красном углу. Пусть молодые заправляют хозяйством, как умеют. Зато сохраняются в доме мир, согласие и уважение к отцу-матери.

Абрамов не уставал удивляться вековой мудрости стариков. Он спасался ею и в военные годы, и в пору университетскую, и тогда, когда за повесть «Вокруг да около» ощерилась на него вся литературно-номенклатурная рать. В последнее веркольское лето он отправился с другом-приятелем Дмитрием Клоповым

вниз по Пинеге, чтоб насладиться ее ритмом и духом, досыта наговориться со стариками, отдать поклон землячке своей, сказительнице Марии Кривополоновой. Ведь это она, славная пинежская бабушка по прозвищу «Махонька», собрала, сохранила, рассказала людям былины и песни, из коих выросла российская словесность.

Федор Александрович не стеснялся учиться у жизни до самых последних дней. Рассказывает Ксения Петровна Гемп, словесник, краевед, уникальной души человек, друг академика Лихачева:

— Как-то у нас с Федором

зашел разговор о протопопе Авакуме. «Я, — говорит, — к своему стыду, не читал его трудов». Не читал — так прочти. Дала ему в дорогу томик «Жития» протопопова. Уехав в свою Верколу. Месяц прошел, я уж и забыла. Однажды среди ночи — звонок. Иду к телефону, спотыкаюсь спросонок: кто тут спать не дает? «Это я, Абрамов Федор. Вот, дочитал Авакума. Не утерпел — дай позвоню. Потрясающего духа был человек. А я-то, дурак, до старости дожил — не удосужился прочесть. Спасибо вам за эту встречу».

Наверное, Федор Александрович понял бы нас, сегодняшних. И привелся ему дожить до этих майских дней — вряд ли вышел бы на площадь с камнями в карманах. Скорее нашел бы слова про пинежскую избу-уросиху и про дом, который зарос плесенью и паутиной. Зачем его раскатывать по бревнышку, когда есть силы устроить в нем приличное житье?

Сегодня о нем будут вспоминать — в Питере, в Архангельске, в Верколе. А над светлой Пинегой вечером опять взвоятся костры, люди придут на берег семьями, будут смеяться, дурачиться, пачкать друг друга сажей — праздновать языческий день прихода лета. Как и тыщу лет назад...

Валентин КАРКВЦЕВ.